

Маленький евнух так разнервничался, что зажмурился слишком рано. Он не сумел выбрать верный угол и лишь едва коснулся уголка губ императора.

После этого мимолетного касания силы окончательно оставили его. Цянь Яо замер, не в силах шевельнуться, точно обратившись в камень.

Ци Ань на мгновение оцепенел. Он опустил взор и увидел, что юноша плотно смежил веки. Его ресницы, черные, точно вороново крыло, мелко дрожали, а уголки глаз покраснели, будто их тронули густым слоем румян.

В жизни императора редко случались минуты, когда он не знал, как поступить, но сейчас в его голове билась лишь одна мысль.

«Какая дерзость»

А следом за ней пришла другая:

«Почему всё идет совсем не так, как я себе представлял?»

Разумеется, Ци Ань был в ярости.

С того самого дня, как он услышал в мыслях Цянь Яо план побега, государь давал ему бесчисленное множество шансов.

Сперва он пытался вразумить его сладостями, напоминая о жутких стенах Темной тюрьмы, надеясь, что тот станет послушным. Но, увидев покрасневшие от слез глаза и жалкий, затравленный вид юноши, император смягчился. Он решил сменить гнев на милость и прибег к политике «мягкой узды».

Все последние месяцы Ци Ань проявлял невиданное для него терпение и снисходительность. Он лишь хотел, чтобы этот непутевый слуга одумался и оставил свой дырявый, нелепый план.

Но тот всё равно сбежал.

Ци Ань узнал об уходе Цянь Яо в ту же секунду, как тот покинул шатер. Он мог бы схватить его немедленно, но рассудил, что этого будет мало для хорошего урока.

Он позволил ему бежать. Позволил ощутить вкус призрачной свободы, чтобы затем раздавить эту надежду в пыль, заставив юношу осознать: из императорских рук не вырваться никогда.

Ци Ань собирался высмеять его, когда стража привела беглеца обратно. Ему хотелось спросить: «Неужели за целый день ты прошел лишь этот жалкий путь?»

Но, увидев его грязные одежды, припавшее пылью лицо и этот застывший в глазах предсмертный ужас, император лишь невольно произнес:

— Почему ты такой грязный?

И вся суровость вновь испарилась.

Государь видел, как тот напуган, и не стал вершить суд немедленно. Он велел слуге омыться и переодеться. Он намеренно растягивал время, чтобы страх въелся Цянь Яо под кожу, пропитал его костный мозг, отбивая всякое желание бежать в будущем.

До прихода юноши Ци Ань играл в шахматы с самим собой.

Этому он научился у покойного отца: шахматная доска — это Поднебесная, а ты — игрок. Твоя задача — расставить каждого на положенное ему место.

Все эти годы он так и поступал, пока не встретил Цянь Яо.

Ци Ань перебирал фигуры, но так и не мог решить, где же место этого мальчишки.

Простой евнух. Да еще и евнух, посмевавший сбежать. Ни один истинный владыка не потерпел бы подобного попрания своей воли. Даже при самом добром нраве следовало бы назначить шестьдесят ударов палками, а при суровом — отправить гнить в Темную тюрьму.

Но...

Ци Ань вспомнил, какой хрупкий у того позвоночник. Казалось, он переломится уже после десятого удара. Это наказание пришлось отбросить первым.

Темная тюрьма тоже не годилась. Юноша так перепугался во время прошлого посещения, что, оказавшись он там по-настоящему, быстро бы лишился рассудка. Если он лишится рассудка, будет уже не так весело.

Государь впервые в жизни столкнулся с такой трудной задачей. Даже когда он расправлялся со своими братьями, он не испытывал подобных затруднений.

«Подумать только... всего лишь евнух»

Так что же, просто простить его?

Это было бы слишком щедро, хотя и возможно. Но прежде Ци Ань должен был убедиться, что отныне тот будет беспрекословно послушен. У императора слишком много дел, чтобы каждый раз тратить время и войска на поиски одного беглеца.

Поэтому к приходу Цянь Яо у него уже был готов план: оставить в душе юноши неизгладимый след, заставив его самого поклясться в верности.

И как раз в этот миг раздался глухой стук.

Ци Ань поднял голову и увидел, что маленький евнух, точно лишившись костей, рухнул на ковер. Страх окончательно сломил его.

Глядя на это, император снова посмотрел на шахматную доску. Он так и не нашел места для этой фигуры, а потому просто отбросил камень в сторону.

Как только губы Цянь Яо коснулись уголка рта императора, он понял, что промахнулся. Но этот поступок потребовал от него всех сил, и теперь у него не было возможности даже пошевелиться, чтобы исправить оплошность. Он просто замер, прижавшись губами к чужому рту, в отчаянной надежде, что его намек будет понят.

Однако государь, похоже, ничего не понял. Он не двигался и не отвечал.

Сердце Цянь Яо пропустило удар.

«Неужели он не догадался?»

Ему хотелось взглянуть на реакцию Ци Аня, но они были слишком близки. Юноша не смел открыть глаза и лишь терпеливо ждал.

Прошло несколько секунд — император оставался неподвижен. Цянь Яо охватило могильное отчаяние. Собрав в кулак остатки безрассудства, он решился на последнюю попытку: кончик его языка робко и мимолетно коснулся губ монарха.

Реакции не последовало.

Последняя надежда Цянь Яо умерла. Мало того, что он беглец, теперь к его грехам добавилось еще и покушение на достоинство императора.

Юноша начал медленно разжимать руки, готовясь открыть глаза и встретить свою участь, как вдруг сильная ладонь властно обхватила его затылок. В следующее мгновение чужие губы накрыли его собственные, а нечто горячее и властное бесцеремонно проникло за преграду зубов.

Цянь Яо резко распахнул глаза и увидел, что император смотрит на него в упор.

В его разноцветных глазах больше не было привычного ледяного спокойствия — в них плескалось нечто живое и пугающее.

Заметив его взгляд, молодой монарх внезапно накрыл ладонью глаза юноши.

«Мир Цянь Яо снова погрузился во тьму, и из-за этого чувства обострились до предела»

Одна рука императора крепко держала его за затылок, заставляя податься вперед и прижаться к широкой груди. Ци Ань всё еще был в охотничьем костюме, и жесткая ткань неприятно царапала кожу, но Цянь Яо было уже не до этого.

Его губы были грубо разомкнуты, принимая чужой язык. Вторжение было властным и не знающим преград — этот язык, точно его хозяин, подчинял себе каждый уголок, захватывая всё дыхание юноши.

Цянь Яо стало нечем дышать. Он инстинктивно уперся руками в плечи императора, пытаясь отстраниться хоть на миг.

Но Ци Ань был подобен горе — его невозможно было сдвинуть. Напротив, он лишь крепче прижал юношу к себе, углубляя поцелуй.

Воздух в легких закончился, перед глазами поплыли черные пятна, а из горла вырвался невольный, сдавленный стон.

Лишь тогда император осознал, что его пленник на грани обморока. Он нехотя отстранился и убрал руку с глаз Цянь Яо. Глядя на его распухшие губы и покрасневшие веки, Ци Ань, точно смакуя послевкусие, с силой провел большим пальцем по его нижней губе.

Цянь Яо, окончательно лишившись сил, обмяк в его объятиях. Он не упал лишь потому, что император всё еще крепко держал его.

Разум юноши был в смятении. За все девятнадцать лет жизни это был его первый поцелуй, и он оказался настолько ошеломляющим, что Цянь Яо не мог прийти в себя.

Лишь спустя какое-то время до него дошло: раз государь ответил на поцелуй, значит ли это,

что он действительно ему безразличен?

Он робко поднял голову, желая удостовериться, но тут же струхнул под тяжелым взглядом Ци Аня. Император смотрел на него так, словно голодный волк на долгожданную добычу, не отрывая взора от его губ.

— Это что же... соблазнение? — с нескрываемой усмешкой спросил император.

Цянь Яо осекся. Слово звучало грубо, но ведь он именно это и имел в виду. Сгорая от стыда, он едва заметно кивнул и жалобно прошептал:

— Ваше Величество... Если вы пощадите их, вы можете делать со мной что угодно.

— Вот как? — в глазах Ци Аня вспыхнул неподдельный интерес. Он снова коснулся его губ. — Даже стать моим фаворитом?

Цянь Яо сам стремился к этому исходу, а потому без колебаний ответил:

— Я согласен.

Договорив, Цянь Яо заглянул императору в глаза. В его взоре застыла немая мольба о спасении Сяо Суйцзы и Лу Яньчжоу.

Однако Ци Ань, казалось, не замечал этого отчаяния. Он лишь продолжал медленно поглаживать его подбородок и губы.

Лишь когда Цянь Яо был уже готов снова разрыдаться, император наконец изволил заговорить:

— Смертной казни они избегут, но наказания не миновать.

— Ваше Величество... — Цянь Яо судорожно вцепился в его рукав, желая просить о большем, но палец императора властно прижался к его губам, обрывая речь.

Юноша встретился с ним взглядом и мгновенно всё понял: не стоит искушать судьбу.

Цянь Яо послушно смолк.

— Лу Яньчжоу — шестьдесят ударов палками. Евнух с императорской кухни — тридцать, —

холодно распорядился Ци Ань.

Цянь Яо вздрогнул. Он инстинктивно хотел обернуться, чтобы посмотреть на друзей, но не посмел. Он знал о чувствах Лу Яньчжоу к «прошлому владельцу» этого тела, а теперь сам, на его глазах, добровольно поцеловал императора. Ему не нужно было видеть лицо Лу Яньчжоу, чтобы понять, какая буря сейчас бушует в его душе.

От этой мысли Цянь Яо стало еще горше.

— Что, уже раскаиваешься? — Ци Ань заметил его замешательство и снова приподнял его лицо за подбородок.

— Нет, — быстро покачал головой юноша. — Я просто...

Договорить он не успел. Из-за полога шатра донеслись два тяжелых, глухих удара. Звук дерева, вгрызающегося в человеческую плоть.

Судя по свисту, с которым палки рассекали воздух, удары были страшной силы. Но, к ужасу Цянь Яо, снаружи не донеслось ни звука. Никто не вскрикнул.

Даже хрупкий Сяо Суйцзы не издал ни единого стога.

Палки били других, но Цянь Яо ощущал каждый удар так, словно били его самого. Его тело сотрясала крупная дрожь.

— Почему ты дрожишь? — Ци Ань прижал его к себе еще крепче, поглаживая его холодные пальцы.

— Не надо... — слезы снова потекли из глаз Цянь Яо. Он осторожно потянул императора за рукав. — Прекратите, Ваше Величество... Прошу вас, перестаньте! Позвольте мне принять наказание вместо них!

— Но видишь ли... — император небрежно стер слезы с его щек. — Наказывать их куда действеннее, чем тебя.

Цянь Яо не нашел слов для ответа. Он мог лишь шептать:

— Я виноват... это я виноват...

Ци Ань не слушал. Он подхватил юношу на руки и направился к выходу из шатра.

Цянь Яо догадался о его намерении и в ужасе зажмурился. Но император не позволил ему спрятаться. Сжав его подбородок, он заставил юношу смотреть.

Перед глазами Цянь Яо предстала жуткая картина. Сяо Суйцзы лежал на длинной скамье, его поясница была залита кровью. Он был уже на грани обморока, губы его были искусаны в кровь, но он так и не издал ни звука.

Лу Яньчжоу держался лучше, хотя и его одежды пропитались багрянцем. В отличие от Сяо Суйцзы, он нашел в себе силы приподнять голову, когда они вышли. Его взгляд, полный невысказанной боли и ярости, впился в Цянь Яо.

Этот взгляд едва не доконал юношу. Он попытался вырваться из объятий императора, но тот держал его мертвой хваткой. Цянь Яо хотел хотя бы отвернуться, но пальцы государя на его подбородке не давали шевельнуть головой.

— Я не хочу на это смотреть! — вскричал Цянь Яо, теряя самообладание. — Прошу вас, не надо! Я больше не могу!

Ци Ань оставался безучастен. Когда отчаяние юноши достигло предела, он вцепился в одежды императора, рыдая:

— Я ошибся... Я во всём виноват! Пожалуйста, пощадите их! Пощадите меня!

Лишь тогда Ци Ань спросил:

— Еще побежишь?

— Нет! Никогда! Клянусь, больше никогда не побегу!

Как только эти слова сорвались с губ Цянь Яо, император отпустил его подбородок. Юноша тут же отвернулся. Ему хотелось провалиться сквозь землю, но он мог лишь уткнуться лицом в грудь своего господина.

Но и на этом Ци Ань не остановился. Он почувствовал, как содрогается тело юноши, и задал следующий вопрос:

— Будешь послушным?

— Буду... — мгновенно отозвался Цянь Яо.

Цянь Яо не помнил, как прошла та ночь. Время растянулось, превративсь в бесконечный, тягучий кошмар.

Ему снились окровавленные Лу Яньчжоу и Сяо Суйцзы. Чтобы император наконец призвал лекарей к раненым, Цянь Яо, сидя у него на коленях, пришлось самому целовать его снова и снова.

Когда же он попытался просить о большем, Ци Ань прижал холодный палец к его губам.

— Цянь Яо, знай меру, — предупредил он.

Юноша не посмел возразить. Он замер в его объятиях, не сводя с него глаз.

Видимо, заметив, как сильно напуган его фаворит, Ци Ань убрал руку и принялся рассеянно перебирать пальцы юноши.

— Я не дам им умереть.

Цянь Яо с надеждой поднял голову.

— Но ты навсегда останешься при мне.

— Хорошо.

— Лу Яньчжоу больше никогда не переступит порог дворца.

— Хорошо.

Цянь Яо поспешно закивал. Быть может, так даже лучше — держаться подальше от двора и этого непредсказуемого деспота. Кто знает, когда император решит припомнить старые обиды.

Только вот...

— А Сяо Суйцзы? — осторожно спросил он.

— Он евнух, ему место во дворце. Однако...

Видя, что император медлит, Цянь Яо сам потянулся к его губам, боясь услышать недоброе.

Ци Ань на мгновение замер, словно пораженный его настойчивостью, но затем обхватил его затылок и углубил поцелуй. Он отпустил юношу лишь спустя долгое время.

Глядя на припухшие губы своего любимца, император произнес охрипшим голосом:

— Он твой друг, пусть остается на императорской кухне.

В голове Цянь Яо царил хаос. Он даже не задумался, откуда государю известно о его дружбе с Сяо Суйцзы. Он лишь поспешил поблагодарить его:

— Благодарю вас, Ваше Величество.

В ответ Ци Ань лишь усмехнулся и подхватил его на руки.

Цянь Яо вздрогнул и крепко вцепился в его ворот. В следующее мгновение он почувствовал, как его опустили на мягкое ложе.

Разум, едва успевший расслабиться, снова напрягся. Цянь Яо вспомнил о своем обещании и похолодел: если император потребует близости сейчас, тайна его мужского естества неминуемо раскроется. Он только что чудом избежал смерти за побег, второго шанса не будет.

Его пальцы судорожно сжали простыни.

Однако продолжения не последовало. Ци Ань лишь укрыл его одеялом и негромко произнес:

— Спи.

Цянь Яо замер, не веря своему счастью.

— А вы, Ваше Величество? Разве вы не ложитесь?

— На твои поиски ушло немало времени. Нужно закончить дела.

Юноша послушно замолчал.

— Засыпай, — повторил император.

Цянь Яо закрыл глаза. Он думал, что не сможет уснуть после всего пережитого, но усталость взяла свое.

Сон был тяжелым, полным кровавых видений. Стоило ему открыть глаза поутру, как мысли тут же вернулись к Лу Яньчжоу и Сяо Суйцзы.

За Лу Яньчжоу он беспокоился меньше — семья Лу наверняка обеспечит ему лучший уход. А вот Сяо Суйцзы... Прослужив во дворце столько времени, Цянь Яо прекрасно знал, как обходятся с простыми слугами.

Проснувшись, он весь день раздумывал, как бы навестить друга.

Император, казалось, видел его насквозь, но молчал. Он спокойно сидел за столом, просматривая важные доклады.

Цянь Яо не смел мешать. Лишь заметив, что государь потянулся за чаем, он перехватил чашу у слуг и сам подал её господину.

— Что-то нужно? — Ци Ань пригубил чай, явно зная ответ.

— Да... — кивнул Цянь Яо.

Он робко придвинулся ближе и коснулся губами его рта.

Вчерашний опыт подсказывал: этот пес-император, похоже, был падок на ласку. Стоило Цянь Яо проявить инициативу, как любые его просьбы находили отклик.

И верно — в следующее мгновение сильная рука обхватила его за талию, увлекая на колени.

Цянь Яо не успел опомниться, как его затылок прижали ладонью, а властный язык уже привычно проник внутрь, сплетаясь с его собственным.

Вскоре юноша начал задыхаться, но не смел отстраниться, лишь издал тихий, жалобный стон.

Услышав этот звук, император нехотя отпустил его. Глядя на его влажные губы, он произнес с затаенным огнем во взоре:

— В следующий раз, когда будешь просить меня о чем-то, делай именно так.

Цянь Яо вспыхнул до корней волос, но послушно кивнул.

— Говори, — император, довольный его реакцией, ласково погладил его по голове.

— Я хочу навестить Сяо Суйцзы.

— Позволяю.

— И еще... я хотел попросить императорского лекаря осмотреть его.

Цянь Яо знал, что простым евнухам лекари не положены. Вчера Ци Ань послал кого-то, но наверняка лишь для того, чтобы тот не испустил дух. О настоящем лечении не могло быть и речи.

Договорив, он с опаской поднял взгляд на императора. Тот молчал.

— Тогда... позвольте мне хотя бы взять немного мази для ран? — убавил он свои притязания.

Ци Ань по-прежнему не отвечал, лишь пристально смотрел на него.

Цянь Яо уже решил, что получил отказ, и поник.

— Чему я тебя только что научил? — вкрадчиво спросил император.

Юноша замер, лихорадочно соображая, и вдруг вспомнил:

«В следующий раз, когда будешь просить меня о чем-то, делай именно так»

Щеки его запылали, но он, зажмурившись, снова потянулся к его губам.

Он хотел лишь легко коснуться их, но Ци Ань, словно нарочно, плотно сжал рот.

Цянь Яо помедлил, а затем сам робко лизнул его губы, пытаясь разомкнуть их. Но стоило ему проникнуть внутрь, как он тут же потерял преимущество — его затянули в новый, сокрушительный поцелуй.

Когда он наконец вышел из императорского шатра, губы его онемели. Он невольно коснулся их пальцами, втайне проклиная древность за отсутствие масок — после стольких поцелуев рот наверняка распух.

К его облегчению, встречные слуги не подали виду. Цянь Яо немного успокоился и направился в Императорское управление по лекарствам. Предъявив волю государя, он нашел лекаря, смыслящего в ранах, и вместе с ним отправился к другу.

Сяо Суйцзы метался в беспамятстве в своем шатре.

Цянь Яо бросился к нему и, коснувшись лба, понял, что у того сильный жар.

— Лекарь, у него лихорадка! — воскликнул он.

— Не тревожьтесь, господин Цянь, — поклонился лекарь и тут же принялся за дело.

Он обработал раны, сменил повязки и велел приготовить отвар. Цянь Яо сам бережно напоил друга лекарством, и спустя время тот пришел в себя.

— А-Яо... — слабо позвал Сяо Суйцзы.

— Я здесь. Прости меня... Это я тебя втянул в это, — Цянь Яо не выдержал, слезы брызнули из глаз, но он тут же их смахнул.

— Не вини себя, — Сяо Суйцзы покачал головой. — Я лишь боялся за тебя. Ты и Его Величество...

Прошлой ночью всё происходило на глазах у друзей, и Цянь Яо понимал, что скрывать правду бессмысленно.

— Я... — он замялся, не зная, как подобрать слова.

Сяо Суйцзы видел его смятение и не стал настаивать. Он лишь крепко сжал его руку.

— Ты любишь императора?

Цянь Яо долго молчал, прежде чем ответить:

— Я не знаю.

— Эх, — вздохнул Сяо Суйцзы. — Быть подле государя — всё равно что жить с тигром. Береги себя.

— Знаю. И ты поправляйся.

Сяо Суйцзы кивнул, но радости в его глазах не было.

— Что такое? — встревожился Цянь Яо.

— Ничего... Просто сердце болит за господина Лу. Ему сейчас, должно быть, очень тяжело.

Цянь Яо понурился.

— Я виноват перед ним.

— Не говори так. У тебя не было выбора.

Оба понимали: что сделано, то сделано. Они замолчали, не зная, о чем еще говорить.

Когда Цянь Яо вернулся, императора в шатре не оказалось. Юноша надеялся на долгую передышку, но вскоре Ци Ань вошел и как ни в чем не бывало принялся играть с птицей в клетке.

Цянь Яо, наученный горьким опытом, тут же бросился докладывать о каждом своем шаге.

Но государь лишь небрежно махнул рукой. Юноша осекся.

— Не нужно этих отчетов, — бросил император, подразнивая воробья в золоченой клетке.

— Слушаюсь. Я лишь хотел сказать, что больше никогда не сбегу.

— Я знаю, — не оборачиваясь, ответил Ци Ань. — Тебе и не удастся.

Цянь Яо смолк.

Император, заметив его уныние, произнес:

— Иди за мной.

Юноша послушно последовал за ним.

Они пришли на конюшни, где император велел ему выбрать коня.

— Прокатиться верхом? — Цянь Яо заинтриговал этот призыв, ведь он никогда не сидел в

седле. Только вот...

— Ваше Величество, я не умею.

Помня случай с шахматами, император даже не удивился.

— Выбирай. Я научу тебя.

Лишь тогда Цянь Яо осмелился подойти к лошадям. Он сразу обошел стороной того потокровного скакуна, на котором пес-император настиг его накануне — воспоминание об этом оставило в его душе слишком мрачную тень.

В итоге он выбрал самую смирную на вид белую лошадь.

По знаку императора конюх вывел лошадь. Ци Ань легко взлетел в седло и протянул руку Цянь Яо.

Тот помедлил, но вложил свои пальцы в его ладонь и тут же оказался в седле, прямо в объятиях монарха.

Чувство было странным и неловким. Цянь Яо попытался немного отодвинуться, но Ци Ань натянул поводья, и лошадь сорвалась с места.

Вскрикнув от неожиданности, юноша судорожно вцепился в руки императора, всем телом прижимаясь к его груди.

Когда бежать стало некуда, он услышал над самым ухом тихий смех. Сильная рука обхватила его поперек живота, притягивая еще ближе.

— Не бойся.

Почувствовав надежную опору, Цянь Яо чуть успокоился.

— Я не боюсь.

Спустя время император начал объяснять ему, как управлять конем.

Это оказалось не так уж сложно, и вскоре юноша освоился. Ци Ань передал ему поводья. Цянь Яо, набравшись храбрости, звонко крикнул:

— Но!

Словно подстегнутая этим криком, лошадь, до того мирная, внезапно пустилась в бешеный галоп. Цянь Яо закричал от ужаса, но Ци Ань оставался невозмутим. Его рука на талии юноши даже не дрогнула; он второй рукой перехватил поводья и плавно осадил кобылицу.

Цянь Яо едва дышал от страха, бессильно привалившись к императору.

Тот и не думал его утешать. Вместо этого он с издевкой спросил:

— Ну как, весело?

Цянь Яо был готов разрыдаться, но, помня о притворстве, выдавил из себя улыбку:

— Весело.

Государь замер, вглядываясь в его лицо. Цянь Яо испугался, что снова сказал что-то не то, и притих.

В следующее мгновение император вдруг потянулся к нему и легонько ущипнул его за щеку.

— Улыбка у тебя насквозь фальшивая.

<http://bllate.org/book/15347/1420142>